

- Хицунов П. О духовной осетинской школе в Моздоке // Кавказ. 1846. № 13.
Чурсин Г.Ф. Почитание гор, скал и камней у кавказских горцев // Бюллетень Кавказского историко-археологического института. Тифлис, 1928. № 4.
Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931.
Яндиев М.А. Ингуши в контексте истории и языка. М., 2005.

В.Р. Арсеньев

ПРОЕКТ «ЕВРАЗИЯ»: КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО КОНТИНУУМА*

Идея строительства и организации «евразийского пространства» совсем не нова. В осознанном, вербализованном или в практически реализуемом виде она возникла задолго до образования собственно русской государственности, в частности, в ее «древнерусских» формах Киевской и Новгородской Руси, не говоря уже о государственности Нового и Новейшего времени в рамках соответствующего пространства — «российской» и «советской». Последняя после распада СССР в 1991 г. пока еще не обрела черт устойчивой определенности, выступая одновременно и как след предыдущих форм организации, и как возможный для перспективы пространственный, временной, исторический, социальный и во многом культурный континуум. Хотя для политического дискурса, «политкорректной» позиции СМИ ныне это, по сути, конгломерат осколков бывшей целостности, каждый из которых стремится самоутвердиться как новая реальная целостность, исторически унаследованная от досоветского и даже «доимперского» прошлого и отныне как бы вновь обращенная в будущее.

Для предлагаемого здесь рассуждения по поводу евразийского геостратегического континуума не важно, идет ли речь о некоем мыслительном «конструкте» типа «Скифии» древних греков, о «Великой Степи», «Татарии», «Московии» или о каких-то иных мифологических пространственных, культурных, социальных, потестарных и прочих по природе своей сообществах и протяженностях прошлого и настоящего. Не важно также и то, выдумка ли само это «пространство», равно как и то, выступали ли таковым его наделенные собственными именами части, номинально фигурировавшие в сочинениях путешественников, торговцев, географов, историков прошлого. Как, впрочем, не так уж важно и то, что части эти редко покрывали его полностью, но были, хоть и лишь в какой-то мере, вполне соотносимы с ним и показательны для реальности, сопряженной ныне с понятием «евразийское пространство». Причем из-за более или менее размытых и исторически подвижных пределов этого «пространства» с позиции иных аналогичных «континуумов» оно также виделось как некая относительная целостность, наделенная своим «именем», маркером в соответствующей

культуре. В любом случае ныне в кругах культурных и политических элит активно обсуждается идея воссоздания «евразийского пространства» как организованной реальности региональной и мировой экономики, политики, культуры, как некоего «силового поля» с соответствующими ему организационными, финансовыми, энергетическими и военными структурами. Во многом это и есть сегодня «Проект “Евразия”».

Идея эта не может рассматриваться как исключительно конъюнктурный тезис, только как простая реакция на распад СССР, исходящая от ретроградов, носителей тоталитарного, «имперского» сознания. В политическом и идеологическом противостоянии «прогрессистов» и «почвенников», сторонников и противников глобализации, позитивистов-прагматиков и «неоромантиков»-мифотворцев отражается сегодня сложный процесс преодоления Цивилизацией постмодернистской фазы мирового общественного сознания — процесс долгий, многотрудный, требующий активации практически всей исторической памяти человечества, его опыта, всего многообразия его ценностных и мировоззренческих установок, осмысления исторических обстоятельств возникновения тех или иных постулатов, устойчивых ценностных ориентиров — с осознанием объединяющего и разделяющего в условиях нашего дня и ушедшего уже исторического контекста. От успеха этого процесса, который затянется на десятилетия, а то и на поколения зависит и сама возможность выживания человечества.

Надо осознать для начала глубинный характер и суть многих потрясений, знаменовавших смену века и тысячелетия нынешней эры, не как случайностей, а как проявлений имманентных особенностей самой Цивилизации, как нарушение ее внутренней и внешней гармонии. Надо осознать, что многие из этих «нестроений» общественной системы (как формации и как цивилизации одновременно!), основанной на гегемонии рациональности и прагматизма, являются в том числе и отражением потери целостной картины мировосприятия, опирающейся на убеждение о единстве и всеобщности всего и вся, уповающей на единство духовного и материального, на доминанту морально-этических норм обеспечения всеобщей гармонии, равновесия, жизни. В полном соответствии с позицией Э. Фромма, кардинальным остается вопрос: «Иметь или быть?».

Современная индустриальная (как, впрочем, и претендующая на «постиндустриальность») мировая культура жестко программирует поведение людей. Это происходит и на индивидуальном, личном уровне, и в рамках всех возможных иерархически или обособленно выраженных сообществ. К таковым относятся конфессии, секты, профессиональные корпоративные группы, группы по интересам, социальные слои, культурные, спортивные и прочие сообщества, равно как и граждане одного и того же государства, их союзов и объединений и т.д., и т.п. Эта культура создала миф о «царстве потребления» как высшей ценности существования людей. Сама постановка во главу угла феномена «человека» (подразумевая под этим не вид, не популяцию, а особь, индивида) как мерила благополучия, эффек-

тивности общественного устройства оказывается таким же мифом, элементом целой системы мифов, составляющей парадигмальную конструкцию организации жизни. Именно одним из сформулированных и инструментально непреложных для организации жизни в масштабах всей Земли, всего человечества мифов выступает позитивистская картина мира и все связанные с нею «положительные» науки, как естественные, так и общественные, гуманитарные. Показав свою эффективность в достижении научно-технического переустройства производства и поддержания биологической жизни населения планеты, позитивистские науки способствовали формированию «квазиконфессии», формально свободной от понятия «Бог», от инкорпорации непознанного, иррационального. И до поры до времени в сочетании с обещаниями и ожиданиями «потребительского изобилия» эта система видения мира стала доминантной. Под ее знаком так или иначе и прошел XX век.

Однако к концу его повсеместно вызревает ощущение, что жизненный процесс человечества, подчиненный гонке за материальными благами, порочен. Это осознание нарастает везде — вне зависимости от принадлежности к «Востоку» или «Западу». И не случайно именно «Восток», насильственно втянутый в позитивистскую, рациональную систему ценностных ориентаций, оказывается наиболее чувствителен ко внутреннему дисбалансу «единой», «универсальной» модели развития человечества. В реальных условиях XX в. эти «сбои» со всей очевидностью просматривались и в феномене колониальной системы, и в неоколониальном «одиночестве» брошенных на произвол судьбы «реформированных», прошедших процесс «цивилизационного приобщения» народов Востока. Очень ярко неоднозначность (или даже ложность) ценностей «Цивилизации» проявилась в трех мировых войнах, за одно неполное столетие, развязанных «развитыми» странами. Культурные и социальные «неофиты», «рекруты Цивилизации» несли на себе тяжелое и редко оправданное бремя этих «разборок» богатых стран, слишком часто становясь ареной, полем боя их столкновений.

Когда оказалась выброшенной за борт как более не нужная «социалистическая идея», все идеологические подпорки, основания геостратегической целостности советского пространства также стали выглядеть как фальш, обман. Скажем, еще на этапе разворачивания советского присутствия в Афганистане население тогдашней Средней Азии, т.е. в начале 1980-х гг., не вполне безусловно воспринимало то, что называлось «интернациональной помощью».

Как специалист, занимающийся изучением колониальных систем на примере народов Африки, и непосредственный участник оказания советской помощи «развивающимся странам», я могу судить о многих процессах не отвлеченно. В частности, мне довелось хорошо осознать феномен «внутренней колонизации», когда правительства формально суверенных стран, по сути, продолжают в отношении собственного населения ту же политику, что и вели колониальные власти. Ибо это оказывается и условием вхожде-

ния в мировую экономику, и одновременно условием выживания «суверенных» государств в тех их формах, унаследованных от колониальной эпохи, а равно и не соответствующих собственной исторической парадигме этих обществ [Арсеньев 1993].

Позитивистское мировоззрение в лучшем случае задумывается над «прежитками» предшествовавших исторических эпох, над «досадными внесистемными единицами». О «традиционном» речь идет лишь как об отражающем инерцию покоя в динамике развития. Для Советской Средней Азии социалистическое плановое обобщественное хозяйствование, денежный оборот и ценообразование, «союз рабочего класса и трудового крестьянства» были само собой разумеющимися клише видения всех процессов в этом, да и в других регионах СССР. И в этом смысле «Хлопковое дело», попытка следователей Гдляна и Иванова вернуть государству 48 млрд советских рублей выглядели как вопиющее нарушение законности, с одной стороны, и «героическая» попытка восстановить ее — с другой. Но кто сегодня не согласится с тем, что феномен Афганистана и пресловутое «Хлопковое дело» в 1980-х гг. сыграли роковую роль в расколе «евразийского пространства», удерживавшегося в пространстве СССР! Вот и «Средняя Азия» геостратегически превратилась в «Центральную Азию», а на территории ее суверенных республик расквартированы базы государств-членов НАТО...

Я припоминаю еще один показательный эпизод для понимания пагубности политики, опирающейся на ущербную научную базу, в свою очередь, выступающую следствием упования на научное мышление, унаследованное от позитивистских наук XIX в. В конце 1988 г., в самый разгар Перестройки, когда уже начались центробежные процессы в сфере идеологии и межнациональных отношений, мне, как и многим сотрудникам ЛЧ Института этнографии АН СССР, довелось выступать на конференции, организованной руководством Ленинграда при поддержке ЦК КПСС. На секционном заседании, где мне выпало выступать, присутствовало около двухсот человек. Когда я стал говорить, что введение хозрасчета по единой для всего СССР модели приведет к распаду страны из-за разницы макромоделей хозяйственного оборота в различных регионах страны, на меня зашикали и из президиума, и из зала. И только один человек в кулуарах подошел ко мне и согласился с моей правотой.

Евразийское пространство существует и объективно, и субъективно, хотим мы это признавать или нет. Оно может ужиматься или расширяться в зависимости от исторических обстоятельств. Оно может переходить в форму органического единства с относительно единой системой управления, хозяйственного, культурного, конфессионального оборота и т.п. Но оно может и принимать форму некоего рыхлого образования, конгломерата — как это наблюдается ныне. Тем не менее основные параметры совпадения географических зон (мирового океана, речной сети, гор, степных и лесных пространств и т.п.) с зонами культурными, языковыми, конфессиональными

остаются почти неизменными на огромных пространствах Евразии, обуславливая активизацию политического фактора. К числу таких устойчивых параметров следует, в частности, отнести глубокую связь культур в рассматриваемом пространстве с природными процессами, т.е. с реализацией принципов архаических, натуральных, по сути, систем поддержания жизни. В эти системы в какой-то мере внедрилась техника и некоторые интенсифицирующие приемы производства и живновоспроизводства. Но в целом барьер «первичного природопользования» на переходе ко «вторичному природопользованию» так и не преодолен. То, что принято считать проявлением «отсталости» и для русской провинции, и для жителей огромных пространств бывшей Средней Азии, Кавказа, Украины и Белоруссии выступает естественным исторически унаследованным образом существования. Этот образ веками и тысячелетиями противопоставлен ресурсно и территориально ограниченными жителям Западной Европы. Здесь иные нормы бытия, иное отношение к среде природной и человеческой. Если европейцам надо внушать их «европейскую идентичность» по отношению друг к другу — и это тоже большой «Проект “Европа”», то жителям евразийского пространства от Тихого океана до Карпатских гор нет необходимости «доказывать» их историческую, культурную, да нередко и расовую близость.

Не может служить большим препятствием и конфессиональный вопрос. Во-первых, очевидно, что всплеск «конфессиональности» во многом порожден видимым провалом «светской, мирской» идеологии. Этот «провал» на самом деле и есть только «видимый», ибо пауза в целостном объяснении мира средствами науки преходяща. Для снятия эксцессов в распротранении влияния конфессий на организацию общественного процесса необходимо ослабить социальную напряженность (и одновременно «фрустрацию»), вызванную нарушением фундаментального для ментальности народов евразийского пространства принципа справедливости, в частности, в распределении общественного богатства, в социальной динамике. Например, необходимо блокировать разрушение базовой для этого принципа коллективистской солидарности.

В последние столетия появление центра консолидации евразийского пространства во многом зависит от России, а также от активности ее геостратегических, глобально стратегических конкурентов. В октябре 2001 г., давая интервью французскому «Журналу антропологов», я высказал суждение, что согласие России на присутствие военного контингента стран НАТО в бывшей Советской Средней Азии должно было обуславливаться признанием лидерами «антиталибской коалиции» приоритетных интересов России в пространстве распавшегося СССР [Point de vue d'un africaniste russe... 2001]. Но «рыхлость» этого евразийского пространства, видимо, разовыми и однозначными действиями не преодолеть! Предстоит долгий процесс — трудный переход к новой определенности, новой целостной системе жизнеустройства. Он, несомненно, связан с решением конкретных экономических, политических, военно-политических задач. Но еще более важно выра-

ботать обновленное мировосприятие, создать новую целостную картину мира и сопряженные с ней теории, а с ними — и новые технологии, инструменты, задача которых обеспечивать не избыток, а разумную достаточность! На практике, это и будет преодолением концептуального, а с ним и экономического, политического, духовного постмодернизма. «Проект “Евразия”» — совсем неплохой рабочий вариант текущего дня, способный вывести усилия человечества на перспективные направления. И, разумеется, в решении интеллектуальных проблем, с ним сопряженных, нельзя забывать предшествовавший опыт, в частности опыт создания альтернативной цивилизации, каковой исторически выступал СССР [Арсеньев 2007].

Примечание

* Автор рассматривает разработку данной темы как продолжение исследовательского направления, отраженного, в частности, в совместных с А.А. Масловым и В.В. Иляниным предложениях для участия в симпозиуме «Национальность и гражданство в пост-коммунистической Европе», проходившем 9–10 июля 2001 г. в Париже на базе Института политических исследований [Arseniev 2002; Plianin 2002; Maslov 2002]. Следует упомянуть и материал выступления автора на симпозиуме «Новые эссенциализмы», организованном Институтом исследований по вопросам развития (IRD), проходившем в Париже 23–26 мая 2007 г. (*La situation ethnique en Russie dans le contexte de l'éclatement de l'URSS* // Веб-сайт IRD (Institut des recherches sur le Developpement, Paris, la France).

Библиография

Арсеньев В.Р. Мали: традиции культуры и проблемы социально-политического развития // Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: Памяти Л.Е. Куббеля. М., 1993. С. 220–238.

Point de vue d'un africaniste russe. Entretien avec Vladimir Arseniev (Kunstkamera, Saint-Petersbourg) realise par Monique Selim // *Journal des Anthropologues*. 2001. №87. P. 195–202.

Арсеньев В. Проект, востребованный временем. Вспоминая исторический опыт Союза ССР // Санкт-Петербургские ведомости. № 246(4038). 29 декабря 2007 г.

Arseniev V. L'Espace post-sovietique: dimensions et perspectives dans le contexte de la Civilisation // *Манифестация*. 2002. № 3. С. 168–169.

Plianin V. Self-consciousness in post-soviet space // *Манифестация*. 2002. № 3. С. 169–170.

Maslov A. L'Ideologie nationale et la politique transnationale // *Манифестация*. 2002. № 3. С. 170–171.